Ян Рачинский. Как помнят о прошлом в России: «Топография террора» и Книги памяти

4 июня 2010

Ян Рачинский. Источник фото: hro.org
(/sites/all/files/rach.jpg)

О специфике российской культуры памяти рассказывает историк и представитель общества «Мемориал» Ян Рачинский: многое сделано (Книги памяти жертв политических репрессий), ещё больше сделать нужно (проект «Топография террора»)

ТОПОГРАФИЯ ТЕРРОРА

Справка. Работа по теме «Топография террора» началась в «Мемориале» еще в конце 80-х, но как проект оформилась лишь в последние годы. Все исследования, проводимые в рамках проекта, объединены идеей «привязки» материалов об истории репрессий к местности – по аналогии с известным немецким проектом «Topographie des Terrors (http://www.topographie.de/)».

Первым серьезным результатом работы проекта стала база «Расстрелянные в Москве (http://mos.memo.ru/)» - список репрессированных на территории Москвы, упорядоченный по адресу проживания жертв репрессий.

В рамках проекта готовится атлас «Москва: топография террора», призванный отразить деятельность карательных институций советского периода на карте города.

Большой опыт в изучении истории террора имеет Германия. Можно ли его использовать в России?

Последние публикации

11 ноября
К.В. Скоркин: Места лишения свободы московского региона / Подкаст (http://urokiistorii.ru/node/52930)

6 ноября
«Стыд, подозрение и ностальгия» / интервью с Эрнстом ван Альфеном (http://urokiistorii.ru/node/52921)

30 октября
«Топография террора»: это прямо здесь / интервью с Александрой Поливановой (http://urokiistorii.ru/node/52912)

23 октября
Мятеж, а у нас без войны / мемуары участника подавления Венгерского восстания. Часть II (http://urokiistorii.ru/node/52903)

22 октября
Мятеж, а у нас без войны / мемуары участника подавления Венгерского восстания. Часть I (http://urokiistorii.ru/node/52901)

21 октября
Павел Уваров за верстаком / Подкаст (http://urokiistorii.ru/node/52899)

16 октября
«Чью память хранит школьный учебник» / встреча в Школе гражданского просвещения (http://urokiistorii.ru/node/52893)

Еще материалы по теме

19 марта 2014
Запись на экскурсию «Топография террора. Лубянка и окрестности» 21 и 22 марта (http://urokiistorii.ru/node/52061)

20 июля 2011
Места памяти/места забвения: школьный проект по созданию исторических видеосюжетов (http://urokiistorii.ru/node/2160)

17 декабря 2013
Места террора в Москве (по

В изучении террора есть две стороны, два возможных подхода. Одно – это память о жертвах, другое – память о том, где всё это происходило. В Германии уделяют внимание обеим сторонам. Помимо широкоизвестных и давно существующих мемориальных зон (например, на местах бывших концлагерей), в самом Берлине, в домах, где располагалось гестапо, есть музеи террора. Есть и другая сторона, очень впечатляющая (хотелось бы, чтобы и у нас когда-нибудь появилось что-нибудь подобное), «камни преткновения (http://urokiistorii.ru/memory/place/2010/11/mesta-pamyati-germania)», вмонтированные в мостовую.

(http://urokiistorii.ru/sites/all/files/germ.jpg)

Камни преткновения

Те, кто проходят там много раз, могут уже и не думать о них. Но те, кто бывает там впервые – обращают на них внимание и сразу же вспоминают о том, чему они посвящены. Это, безусловно, блестящее изобретение. Применимо ли оно к нашим условиям, сказать трудно. У нас есть дома, перед которыми придётся целиком тротуар вымостить такими камнями. Ул. Серафимовича, дом 2, Басманная <В доме № 4 по Н. Басманной в период с 37-го по 1952-й год было расстреляно 37 человек, в доме № 10 – 27 человек, № 14 – 17 человек. В Москве существует 6 домов, откуда было уведено больше людей на расстрел, чем из дома № 4 по Н. Басманной улице, входившего, как и дом № 14, в ведомство НКПС>, угловой дом на Долгоруковской – таких домов немало. Может быть, это и надо было бы сделать, но пока об этом даже не заходит речь.

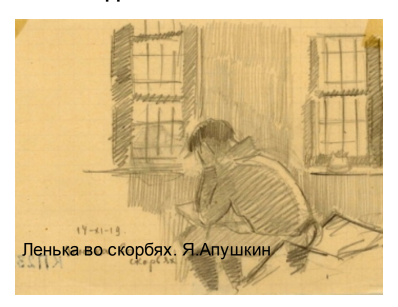
Помимо проблем, связанных с масштабом террора (из того же дома на улице Серафимовича забрали 242 человека), кажется, не меньшие сложности существуют с вторжением в городское пространство. Чиновники, государство ведь с большим трудом допускают установки каких-либо памятников или мемориальных досок?

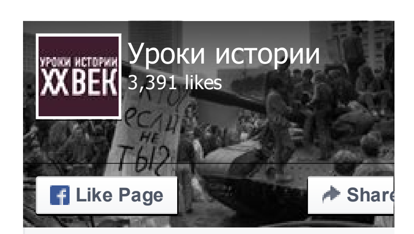
Говоря так, мы ставим телегу впереди лошади. Потому что, например, с установкой мемориальной доски Григорию Романову, бывшему ленинградскому секретарю, никаких проблем не возникло <подробнее здесь (http://www.baltinfo.ru/column/Doska-pretknoveniya-strasti-po-Romanovu-144149) и здесь (http://www.tv100.ru/news/Memorialnaja-doska-Grigoriju-Romanovu-Za-i-protiv-24559/) – urokiistorii>, в Леонтьевском переулке она недавно таки установлена. А это был человек, мягко говоря, не заслуживающий доброй памяти. Скорее уж совсем наоборот. Проблема не в том, что кто-то чего-то не допускает, а в том, что это идеологически им чуждо.

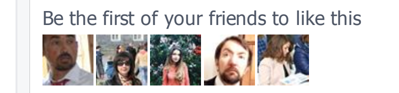
Мы в огромной степени живём по-прежнему при советской власти, в смысле догм и представлений, сохранившихся с тех времён. На уровне языка, на уровне терминов всё это ещё живёт. Даже если человек, задумываясь, понимает всю преступность, весь ужас того режима, тем не менее, на уровне языка все эти штампы сами себя поддерживают, продолжают жить, и подпирают собой старые представления.

Так что это не столько вопрос «вторжения в городское пространство», а вопрос того, что эти идеи не близки чиновникам.

То есть проблема идеологии, а не бюрократии?

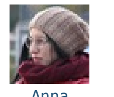

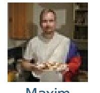

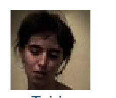

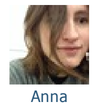

В первую очередь, да. Проблема идеологических установок. Когда им надо, они и улицу Солженицына учредили, вопреки закону (http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2008/12/07/n_1305295.shtml). И улицу Станиславского, про улицу Кадырова я уж и вовсе не говорю. Я уже упоминал Романова, а вот когда неоднократно пытались установить мемориальную доску с именем генерала Григоренко (http://www.memo.ru/history/diss/books/grightml/preface2.htm) – на здании академии Генштаба, где он преподавал, на здании дома, где он жил – во всех случаях это глухой отказ. И это были проблемы не бюрократического происхождения.

Тем не менее, в России существует проект по топографии террора. Это при том, что без одобрения государства места, связанные с историей террора, не могут быть отмечены в городском пространстве. Какова тогда задача проекта? Ограничивается ли она накоплением материала в надежде на то, что общественная ситуация изменится, и все эти вещи вновь окажутся нужны?

Какой-то единой концепции здесь, пожалуй, нет. Это не столько законченный проект, сколько идея, куда направить мысли и усилия. Действительно, чтобы создать что-то, подобное тому, что уже есть в Берлине, без поддержки не обойтись. В Германии, прежде всего, присутствует совершенно иной культурный контекст.

Создать здесь что-то без масштабной поддержки государства, в условиях, когда для благотворительности нет никаких законодательных условий (а «камни преткновения» например, связаны с меценатством), плюс к тому есть ещё досмотр и дозор, чтобы никто не пожертвовал деньги, куда не надо, конечно, невозможно. Пример Ходорковского самый яркий, но отнюдь не единственный. Возможности воздействия на бизнес у государства чрезвычайно широки. Всё это, безусловно, так.

Но, на мой взгляд, проблема ещё и в том, что у нас все сюжеты, связанные с репрессиями, загнаны вглубь. До 1917-го года отношение к заключённым, арестантам было в массе своей сочувственное. Это традиция не столько даже христианская, сколько общечеловеческая. Это было сочувствие к людям, оказавшимся в трудной ситуации, и проявлялось оно почти спонтанно. Помимо «высокой» литературы, обращавшейся к этим темам, было много публикаций попроще - описание каторги и многие подобные вещи. Сейчас ситуация совершенно иная – подобного рода литература, если она и существует, прежде всего отличается блатной эстетикой, малосимпатична и едва ли поддается прочтению. И общество сейчас скорее сторонится этой информации. Нет запроса и нет, в общем, и сочувствия к арестантам. Скорее даже наоборот: «сажать нужно больше», «сроки заключения нужно увеличить», «поделом», «зря не сажают» и тому подобное. И это, как мне кажется, во многом следствие именно советского периода.

Одна из важнейших задач - «предоставление информации». Каким образом пенитенциарная система существовала и функционировала до 17-го года, как она изменилась после революции, каковы были ее механизмы. Информация, даже если она отчасти и доступна, очень плохо обработана. Скажем, многие из московских монастырей после 17-го года были превращены в концлагеря - о них даже церковь сейчас информации не имеет. Что-то издаётся, пишут про Новоспасский и Андроников монастыри, пишут про Ивановский, а вот то, что Рождественский монастырь, Покровский монастырь (превращённый в Семёновский концлагерь) тоже были задействованы, не очень известно. Эти вещи, в принципе, можно выловить по архивам, но пока эта работа не проведена. [По

теме «топография террора» со специальным акцентом на монастыри можно вспомнить статью Головковой (http://moskow.zachalo.ru/readarticle.php?article_id=2)]. Вот и первая цель – собрать информацию и сделать её доступной. Чтобы было понятно, где и что было.

Есть большие лакуны в изучении того, как обстояло дело с массовыми этапами. Это требует отдельно описания, не только фрагментарного и художественного, как у Солженицына, например.

Таганская тюрьма

(http://oldmos.ru/photo/view/3770)И важно, конечно, чтобы информация была привязана к конкретной местности. В Москве снесли Таганскую тюрьму, и где она была 99% москвичей и не скажут. А ведь это случилось относительно недавно.

В конечном счёте, главное – вернуть эти вопросы в общественное поле, в рамки обсуждения. Эта тема не должна вызывать отторжения – она коснулась миллионов людей в прошлом, да и сейчас правосудие далеко не всегда действует безошибочно.

Некоторое общественное движение было вокруг «расстрельного дома (http://www.archnadzor.ru/?p=810)**», Никольской 23** <подробнее об истории «расстрельного дома» – здесь (http://www.kadashi.ru/kad_chteniya/rasstreldom.html)>**. Какова ситуация вокруг этого дома сейчас? И почему в 90-е годы, когда существовала инициатива о создании там музея, она не была доведена до конца?**

Существует несколько подводных течений. Не могу сказать, что знаю их хорошо, т.к. почти всю информацию приходится вылавливать по кусочкам. Изначально было известно, что это адрес Военной коллегии Верховного суда. (/sites/all/files/image/interview/rachinsky/3_1.jpg)Огромное количество расстрельных актов существуют на обороте предписаний Военной коллегии и именно с этим адресом на бланке. В конце 80-х первой резолюцией конференции «Мемориала стало - «с нашей точки зрения, этот объект должен быть музеефицирован». Это был, если мне не изменяет память, 89-й год — тогда же удалось попасть в это здание Евгению Евтушенко и Льву Разгону <О доме Военной коллегии Верховного суда Лев Разгон упоминает в своей книге «Непридуманное (http://lib.ru/PROZA/RAZGON_L/nepridumannoe.txt)» – urokiistorii>, которые были членами Общественного совета «Мемориала». И примерно к тому же времени относятся материалы обследования этого дома специалистами «Москомнаследия». Там, в частности, сказано что после выезда горвоенкомата (а там тогда сидел горвоенкомат) «было бы правильно передать это помещение под музей, в связи с тем, как он использовался в 30-е годы». Но это было не более чем заключение эксперта. Тем не менее, оно фигурировало позже, использовалось правительством Москвы в плане реконструкции Китай-города. В этом документе, среди прочего, указывалась необходимость создания музея в доме на Никольской 23. Кто был инициатором – сейчас, к сожалению, нет возможности определить, не имея доступа к архиву московского правительства. Каким образом эта формулировка «выпала» - мы можем лишь догадываться. Возможно, просто из меркантильных соображений.

«Расстрельный дом», Никольская ул., 23

В конце концов, здание на Никольской было «перепрофилировано» и продано – банк «Москвы», насколько я понимаю, уже третий владелец. Продано втихую – информация об этом в печать не попала.

Мы снова включились, когда дом оказался под угрозой. Мы получили информацию благодаря Рустаму Рахматуллину (http://www.archi.ru/events/news/journalist_present.html?fl=1&id=35&sl=2) из «Архнадзора», который много лет в «Известиях» ведет рубрику, посвящённую московскому архитектурному наследию. Вот он, собственно, и поднял тревогу по поводу планов сноса этого дома. Я видел этот проект: планировалось снести дом, а на его месте построить нечто такое стеклянное, развлекательного плана. Было это в 2005-м году. Тогда ещё, по счастью, в живых было гораздо больше детей тех людей, которых в этом доме расстреляли. Мы объяснили им, что готовится и, насколько я знаю, было направлено, по крайней мере, несколько сотен писем протеста на имя мэра. Решать этот вопрос мэр не захотел, спустил его на «Москомнаследие». А оно, к счастью, единогласно решило, что этот дом должен быть взят под защиту как вновь выявленный памятник истории.

С тех пор это всё тянулось с колебаниями в ту или другую сторону. Последнее, что было – это рекомендация комиссии Ресина (http://www.archnadzor.ru/?p=4075) лишить дом статуса памятника и отнести его к объектам «ценной городской застройки». Этот статус ничего не значит - просто словесная шелуха. Такого термина нет в законодательстве. И максимум того, что он может дать – на этом месте не построят дом на 5 этажей выше нынешнего.

В значительной мере вопрос упирается в то, что нынешний владелец непременно хочет снести самую старую часть здания, ту, что выходит на Театральный проезд. Именно там нашли следы построек XVII века, что естественно – ведь это были более или менее «задворки». Ту часть, которая выходит на Никольскую, перестраивали неоднократно, поскольку это была парадная часть, а примыкавшая к Китайской стене менялась мало. Вероятнее всего, та «старая» часть принадлежала князьям Хованским.
И сейчас вновь ситуация очень неопределённая.

Какой может быть тактика защиты этого дома в настоящий момент? Изменилось ли что-то в ней за эти 5 лет?

Письма по-прежнему существенны. Тем более, что в «сталинских списках (http://stalin.memo.ru/images/intro.htm)» много людей с «именами». Одних артистов общероссийской известности – детей расстрелянных родителей - там наберётся десятка два: Плисецкая, Аросева, Збруев и многие другие. Это действительно играет свою роль, и немаловажную.

Но, как мне кажется, главное, что недооценивается до неприличия – это то, что Россия пострадала от репрессий никак не меньше, чем любая другая республика СССР. На Украине есть и общегосударственная программа, и музеи, и мемориальные комплексы в память о жертвах репрессий. В Казахстане есть музей в Малиновке, в каждой области изданы книги, и как раз давеча Назарбаев выступал перед собравшимися специально по этой теме. В Узбекистане (не самая демократическая страна, скажем прямо) – есть музей памяти жертв репрессий, есть фонд, всё это делается.

Для внешнего мира возникает следующее впечатление: либо действительно Россия была таким страшным оккупантом, всех давила, а сама жила благополучно – либо нам всем просто наплевать на своих предков. Поэтому создание музея в здании на Никольской 23 стало бы элементарным проявлением цивилизованности, какого-то уважения к собственной истории и демонстрацией оценки прошлого (не только на словах). Это пора бы осознать. А средства прежние: гласность, максимальное привлечение внимания.

КНИГИ ПАМЯТИ

Справка. Списки жертв политический репрессий в СССР стали публиковаться в газетах еще в 88-89-х гг. Позже во многих регионах стали издавать «Книги памяти», куда вносились биографические справки пострадавших от массового террора советского периода. Указатель изданных на сегодняшний день «Книг памяти», а также общая информация о Книгах размещены (http://memo.ru/library/bkmemory/list.htm) на сайте «Мемориала».

Книги памяти издаются в самых разных частях бывшего СССР и выпускаются по региональному принципу. Почему ситуация в регионах столь различается: где-то книг больше и они лучше по качеству, где-то их меньше и они хуже? Можно ли по ним оценивать «культуру памяти» в регионе в целом?

Действительно, ситуация с Книгами Памяти всюду разная. Скажем, на Украине издано уже 56 томов, публикация подходит к концу, уже готовят персональную сводную базу. Речь пока, правда, идёт только об персональных уголовных делах по тогдашнему УК. Раскулачивание, депортации – книги по ним ещё впереди. И тем не менее.

(/sites/all/files/image/interview/rachinsky/4.jpg)У нас, к сожалению, ситуация иная – прежде всего нет чётких государственных установок. В 10 регионах не вышло ни одного тома Книг памяти. В других – по-разному. Рекордсмен – Самара, 23 тома. Есть регионы, где издан один том.

Книга памяти жертв политических репрессий Ярославской области

Существенна и качественная разница: Ивановская книга – худшая, на мой взгляд. Из этой книги неизвестно ничего: там есть только «фамилия-имя-отчество» человека и всё. Был ли он расстрелян, или получил месяц ареста? Неясно. Эта книга сделана просто для отчётности. Обратный пример – книга из Липецкой области: справки короткие, но из них можно понять, что произошло с человеком.

Чрезвычайно сильно может разниться мотивация. Томская и калужская книги сделаны в большой степени энтузиастами из сотрудников ФСБ. В других регионах где-то делала прокуратура — как, например, в Ульяновской области: там как раз ФСБ не было склонно сотрудничать, и прокурор области решился написать постановление об изъятии документов из архива органов ГБ. Из этих документов довольно многое удалось выяснить, например, что на территории тюрьмы тоже хоронили расстрелянных. Там много документов, которых нет в других книгах.

У нас слабо понимают связь между «исторической политикой (http://urokiistorii.ru/media/period/2009/24/pro-et-contra-ist-politika)» государства и книгами памяти. Ни у кого из нынешних руководителей государства этого в голове просто нет. И на местах это делается, как правило, не ради сознательного воздействия. Просто кто-то

решил, что «это должно быть сделано». Общественность. Энтузиасты. Чтобы сохранить память о своих родственниках. В том же Ставрополе власть была не самой демократической, и, тем не менее, ассоциация жертв репрессий смогла сделать своё дело.

Дальше эти книги начинают работать. Они распространяются тем или иным образом. Они есть в библиотеках. Можно найти что-то (http://lists.memo.ru/) через сайт «Мемориала». А для людей найти знакомые фамилии, даже знакомые места – означает некоторое эмоциональное включение. Заставляет задуматься.

Хороший пример того, что все эти публикации – вещь во многом неосознанная, не связанная прямо с «политикой памяти» – ситуация вокруг книг в Белоруссии. Там списки репрессированных просто включаются в более общие краеведческие сборники в серии «Память». Получается очень удачно. По каждому району выходит свой собственный сборник: от царя Гороха к Гражданской войне, ВОВ, репрессиям. И вот любой школьник на каком-нибудь своём «обществоведении» это увидит. Без всякой специальной книжки, в общем контексте. Вряд ли товарищ Лукашенко так всё задумал. Судя по его выступлениям, ему эта тема безразлична. Но так всё и устроено. И оно работает. И это показывает важность этих книг, их существования, объединения.

С объединением, к слову, огромные проблемы. Советская власть устраивала переселения огромных масштабов – добровольные и недобровольные. Семей в России, которые за 100 лет не меняли места жительства, очень мало. Соответственно, узнать о судьбах родственников очень трудно, если не нашёл их в региональной книге памяти. Сводный список бы помог.

Как происходит создание Книг памяти на местах, кто в этом участвует? Вероятно, местная власть, органы госбезопасности, иногда РПЦ и какие-то местные общественные инициативы. Кто-то еще?

Еще прокуратура, конечно. Прокуратуры в ряде областей выпустили очень неплохие книги. Помимо Ульяновской, еще и в Архангельской области – «Поморский мемориал» - очень качественный трехтомник.

В целом, есть 3 основных аспекта.

Обладатели информации. Первое - это обладатели информации: ФСБ, МВД и прокуратура. Прокуратура может истребовать дела и у ФСБ и у МВД. Собственно, не только может, но и должна: по части уголовных репрессий - она исполнитель, должна без всяких запросов все дела с соответствующими статьями пересматривать. Это функция прокуратуры.

Дальше встает вопрос, хотят ли они, чтобы эта работа, которая, по закону, должна быть проделана, была овеществлена в Книгах памяти. Потому что их задача - пересмотреть дела и решить: реабилитировать или не реабилитировать. В законе сказано очень невнятно, что надо по мере пересмотра дел списки реабилитированных публиковать в печати. Не сказано, кто это должен делать, не сказано, в какой форме эти списки должны публиковаться. Т.е. все абсолютно повисает, и это одна из существующих проблем.

Для остальных доступ к этой информации крайне затруднителен. В некоторой степени, держатели информации идут навстречу церкви, что, с одной стороны, хорошо - хоть кому-то идут на встречу - с другой стороны, возникает вопрос, почему только церкви? Понимаю, конечно, что расстреляли и посадили очень большой процент священников, но это

касается и других категорий, как национальных, так и социальных. Непонятно, почему представителям других групп нельзя предоставлять хотя бы такой же доступ. А если поставить вопрос шире - непонятно, на каком основании эти дела закрыты для исследователей. Ссылки на личную тайну абсолютно неправомерны. Никакой личной тайны там нет, потому что еще с дореволюционных времен судопроизводство - вещь открытая. По крайней мере, обвинительное заключение, приговор, реабилитационное определение должны быть открыты без всяких дополнительных условий. Тем не менее, вопрос доступа к информации у нас стоит остро, поэтому именно владельцы информации зачастую становятся ключевым звеном в подготовке Книг памяти.

Энтузиасты. Следующее звено - это уже энтузиасты. Энтузиасты бывают двух сортов. Одни - это общественники. Православная церковь иногда выступает в этой роли, хотя не всегда ее представители откликаются на идеи о создании Книг памяти. Существуют в этой среде и разные взгляды на роль Сталина в нашей истории. Сейчас, наконец-то, какие-то более ли менее отчетливые позиции по этому поводу были высказаны (http://blog.kremlin.ru/post/35/transcript), но, к сожалению, не патриархом. Тем не менее, позиция церкви становится более отчетливой, что радует.

Есть и общественные организации разного рода. Как правило, это объединения репрессированных и отделения «Мемориала» - организации, которые этой темой занимаются постоянно - но бывают и другие энтузиасты. Джуха Иван Георгиевич (http://www.memorial.krsk.ru/public/00/20050810.htm) занимается – «Греческий мартиролог» готовит. Есть в Питере человек, который занимается ингерманландцами. Есть разные энтузиасты. Кто-то сделал книгу по репрессированным железнодорожникам, кто-то по каким-то отдельным заводам. Т.е. это вопрос «двигателей» - тех, кому это надо. Прокуратура, которая должна заниматься этим по закону, иногда делает, иногда не делает, а «двигатели» никому не обязаны, но считают, что книги памяти необходимы по той или иной причине.

Власть. И третье - это власти. От них зависит многое, в первую очередь, финансирование. Бывают исключения, как в Туле, например. Там издали три тома частично на членские взносы членов «Мемориала», частично на деньги спонсоров. Власть не участвовала. В Ульяновске, где прокуратура не смогла добиться финансирования издания второго тома от руководства, нашелся частный спонсор. (http://www.pokayanie-komi.ru/martirolog/)Но, как правило, деньги на издание приходится искать в бюджетах - городских, областных. Это не всегда легко.

Иногда случается, что сами власти - городские, областные - становятся инициаторами работы. Самый яркий пример - республика Коми, где есть республиканская программа увековечивания памяти жертв репрессий. В ее рамках вышли тома «Покаяния» - огромные, энциклопедического формата: если считать по номерам, их девять, а по количеству отдельных книжек, по-моему, уже дюжина. Но таких примеров, скажу честно, мало.

Республиканский фонд жертв политических
репрессий «Покаяние» (Коми)

Александр Борзенко,
Сергей Бондаренко

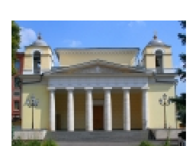
Ключевые слова: историческая память (/tags?id=182), репрессии в СССР (/tags?id=120), топография террора (/tags?id=408), мемориальные объекты (/tags?id=505)

  0   0 (http://www.livejournal.com/update.bml?event=http://urokiistorii.ru/current/view/2010/04/rachinskii-tt&subject=Ян Рачинский. Как помнят о прошлом в России: «Топография террора» и Книги памяти)

Комментарии

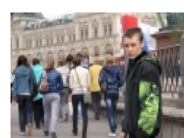
Добавить комментарий

Еще материалы по теме

19 марта 2014
Запись на экскурсию «Топография террора. Лубянка и окрестности» 21 и 22 марта
(http://urokiistorii.ru/node/52061)

В рамках проекта «Москва. Места памяти», работающего в «Мемориале» с 2013 года, мы подготовили пешеходный маршрут «Топография террора. Лубянка и окрестности». Приглашаем вас на экскурсию 21 и 22 марта.

20 июля 2011
Места памяти/места забвения: школьный проект по созданию исторических видеосюжетов
(http://urokiistorii.ru/node/2160)

Информация о проекте, в котором школьники создают видеосюжеты на исторические темы

17 декабря 2013
Места террора в Москве (по материалам архивных фондов ВЧК-КГБ)
(http://urokiistorii.ru/node/51959)

Во вторник, 17 декабря 2013 года – последний в этом календарном году семинар «Москва. Москва памяти». Никита Петров расскажет о местах террора в Москве (по материалам фонда ВЧК-КГБ).

18 октября 2010
Бурятия: память о репрессиях и сопротивлении
(http://urokiistorii.ru/node/1216)

В селе Ноехон 30 октября 2010 г. в День памяти жертв политических репрессий откроется памятник участникам восстания против коллективизации 1930 года.

22 января 2014
План по созданию музея Советского Союза: назад в СССР?
(http://urokiistorii.ru/node/51992)

Швейцарский журналист Ульрих Шмидт о современной музеефикации советского прошлого